

Международный опыт и российские коммуникативные практики: трудный путь к сотрудничеству

Н.А. Баранов

БГТУ «ВОЕНМЕХ» им. Д.Ф. Устинова

nicbar@mail.ru

Аннотация

Политические процессы в современных государствах сопровождаются появлением теорий и практик, предназначенных для совершенствования взаимосвязи политики и управления через посредство новых механизмов. Процесс коммуникации, следствием которого является политика в интересах общества, претерпевает изменения, появляются новые тенденции, которые проходят апробацию в условиях информатизации и глобализации. В России также осуществляется поиск коммуникативных практик, способствующих установлению взаимопонимания власти и общества. Эти практики носят преимущественно ценностный характер и основываются на общественном договоре, имеющем социальное звучание. Выходом из сложившейся ситуации является перенос на российскую политику тех практик, которые позволяют эффективно влиять на процесс управления, контролировать деятельность государственных и административных органов и формировать пространство для реального сотрудничества заинтересованных структур.

Ключевые слова: делиберативная политика, мониторинговая демократия, совещательная демократия, полупрямая демократия, прямая демократия, управленческие практики.

1. Введение

В целях совершенствования политического управления необходимо налаженное взаимодействие между субъектами политики, которыми являются государственные институты, принимающие решения, организации и группы, продвигающие свои интересы, а также граждане, выражающие собственную позицию относительно обсуждаемых тем. Наиболее органичная связь между данными субъектами возникает в условиях демократии, под которой понимается такая «политическая система, при которой существенная часть общества принимает участие в процессах, определяющих действия правительства» [1, с. 27].

Однако демократическая система не способна решать проблемы в интересах общества, если само общество не станет актором, а будет индифферентно наблюдать за работой избранного им правительства, занимаясь собственными делами. Еще французский мыслитель Алексис де Токвиль справедливо подметил, что находясь под опекой, граждане «успокаивают себя тем, что опекунов своих они избрали сами. Каждый отдельный гражданин согласен быть прикованным к цепи, если он видит, что конец этой цепи находится в руках не одного человека и даже не целого класса, а всего народа» [2, с. 496]. И в то же время, когда граждане, освободившись из-под опеки, способствовали благополучию общества, они тем самым повышали собственное благосостояние.

В данном контексте представляется актуальной точка зрения австрийского и американского экономиста Денниса Мюллера относительно качества демократии, которое «зависит от качества ее граждан — от того, насколько они разбираются в общественных вопросах, насколько готовы активно участвовать в политическом процессе и, если необходимо, рисковать жизнью и личной свободой ради защиты демократических институтов» [1, с. 40]. И конечно же, трудно не согласиться с тем, что образованный, сознательный электорат с общими интересами, ощущением единой идентичности и преданностью обществу составляет основу успешных демократий [1, с. 31].

В данной статье рассматривается процесс совершенствования взаимосвязи политики и управления через посредство новых механизмов, связанных с коммуникацией между обществом и властью.

2. Коммуникации между обществом и властью в контексте демократических практик

Представительство интересов различных слоев населения является важнейшей компонентой в принятии политических решений. Представительная форма демократии заключается в учете мнения народа не только при проведении выборов, но и в повседневной жизни. Парламентарии представляют народ, или как образно пишет Ф. Манов: «представляемые живут в своих представителях и действуют через их посредство» [3, с. 77]. Согласованность пожеланий общества и действий власти не носит обязательного характера, но оставляет возможность народу влиять на принимаемые решения. В то же время, у народных избранников сохраняется относительная свобода действий.

Насколько должно быть активным участие общества в управлении государством — вопрос, которым задавались на протяжении многих десятилетий. После событий 1968 года в Европе среди политических мыслителей возникли опасения, связанные с дезинтеграцией гражданского порядка в связи с «перегрузкой» правительства требованиями, исходящими от общества [4, с.332–333]. По их мнению, серьезные проблемы в управлении государственными делами были созданы высокой активностью большого количества людей, желающих слишком многого от правительства, а также слишком широким участием в работе правительства. Поэтому были предприняты попытки снижения активности общества, чему были посвящены теории, например, немецкого социолога Никласа Лумана о снижении

политизации в деятельности социальных систем. Из теории Н. Лумана следовал вывод о том, что государственное правление необходимо оставить политикам и бюрократам, и что активисты общественных движений могут причинить большой ущерб современным обществам, если правительства уступят их ложным требованиям. С точки зрения немецкого ученого, возобладали принцип: «сопротивление чему-то — вот присущий современному обществу способ конструировать реальность» [5, с. 300–301], который необходимо направлять в конструктивное русло.

Для снижения протестной активности нужны были новые формы коммуникации с обществом, актуализация диалогового формата взаимоотношений между политическими институтами и гражданами. Одним из принципов представительного правления, согласно Б. Манену, является управление посредством обсуждения. Обсуждение, с точки зрения французского философа, — «это не процедура принятия решения, но способ оценки, тщательного исследования и испытания государственных решений» [6]. Создание соответствующей атмосферы высказывания мнений, реакция властей на результаты обсуждения актуальных проблем, возможность корректировки неудавшегося, с точки зрения общества, представительства — проблемы, решаемые современными политическими системами.

Представительство в органах власти должно отражать, по выражению П. Розанваллона, «всю анатомию общества» [цит. по: 3, с. 100]. Но так как обязанности представителя — политические, то под репрезентативностью следует понимать представительство именно тех или иных идей, востребованных в обществе, а не конкретных слоев населения. Поэтому представительство предполагает постоянную сверку с избирателями и обществом в целом относительно доминирующих ценностей и идей. Без такой связи представительство теряет смысл, так как парламентарии начинают представлять только самих себя в отрыве от общества.

Одной из современных практик, включающей открытый дискурс и общественные обсуждения актуальных проблем политического и социально-экономического развития, является делиберативная демократия, фокусирующаяся на роли общественных дискуссий в принятии решений и открытости коммуникативного пространства. Обращение к делиберативной политике в западных странах стало следствием растущего отчуждения гражданина от власти, монополизации процесса принятия государственных решений, потребности к совершенствованию системы представительной демократии.

Американский политолог Джозеф М. Бессет определяет делиберативный процесс как «обсуждение по существу государственной политики» [7, с. 5], а делиберативную демократию — как «правление путем взвешенных и обоснованных решений граждан» [7, с. 14]. Делиберативный процесс осуществляется в рамках публичной политики, в которой участники стремятся убедить друг друга в принятии тех или иных решений.

Главные черты делиберативной демократии выделил Джошуа Коэн в статье «Делиберация и демократическая легитимность»: делиберативная демократия является действующей и независимой ассоциацией; члены ассоциации строят свою деятельность в рамках создаваемых ими институтов; ассоциация является

плюралистической; делиберативные процедуры рассматриваются как источник легитимности; члены ассоциации признают друг у друга способность к делиберации — публичному обмену разумными суждениями [8, p. 161–162].

Концепция делиберативной демократии развивалась европейскими обществоведами — Юргеном Хабермасом, Шанталь Муфф, которые акцентировали внимание на обсуждении [9], убеждении, аргументации, поиске компромисса и достижении согласия, которое отвечало бы требованиям как рациональности, так и демократической легитимности.

Повышению качества демократии способствует совершенствование формы политического участия, реализуемой через модель, названную американским политологом Дэвидом Хелдом, совещательной демократией, которая базируется на идеях делиберации. По мнению Д. Хелда, в демократической теории должен быть осуществлен перенос внимания с макрополитических институтов к различным контекстам гражданского общества, которые могут как препятствовать, так и способствовать обсуждению и дебатам [10, с. 386]. Важнейшим критерием убедительности доводов, которые необходимо учитывать при выработке политики, является трансформация частных предпочтений посредством проверки мнением общественности. Сторонники данной модели демократии стремятся создать средства для рассмотрения мнений об общих проблемах через налаживание совещательного процесса. Политические решения должны соответствовать стандартам объективности, включающим в себя оценку предложений, открытость и широту обсуждения, а также принятие решения, исходя из всех точек зрения. Механизмы совещательной демократии включают различные диалоговые формы и практики: совещательные опросы, дни обсуждения, гражданские жюри, расширяющие механизмы ответной реакции и гражданской коммуникации, реформа гражданского образования, а также общественное спонсирование гражданских групп и ассоциаций, стремящихся к участию в совещательной политике. Таким образом, принципом обоснования совещательной демократии является «взаимная аргументированность» политических решений, являющаяся легитимной основой для поиска коллективных проблем [10, с. 417]. Суть спора относительного данной модели демократии состоит в том, должен ли принцип совещательности как процесс принятия решений занять место мажоритарного голосования, результаты которого обязательны для выполнения всеми гражданами, в том числе несогласными с принятым решением.

Анализируя перемены, происходящие в мире, Дэвид Хелд полагает, что в будущем будет востребована модель демократической автономии, суть которой заключается в способности людей осуществлять свободный выбор, определять и обосновывать свои собственные действия, самостоятельно принимать те или иные обязательства и обладать необходимыми условиями для политической свободы и равенства [10, с. 436]. Реализация принципа автономии потребует создания системы коллективного адекватного принятия решений, позволяющего гражданам участвовать в различных формах обсуждения и реализации жизненно важных политических проблем. Этим целям может служить двойная демократизация, связанная с взаимозависимой трансформацией государства и гражданского общества в соответствии с теми глобальными переменами, которые происходят в современном мире.

Демократическая автономия, таким образом, создает такие условия существования, в которых люди являются свободными и равными в процессе дискуссий об условиях их собственной жизни до тех пор, пока не обернут данную систему для отрицания прав других.

Еще об одной формирующейся модели демократии пишет английский и австралийский политолог Джон Кин. Он называет ее мониторинжной или мониторинговой демократией. Необходимость актуализации нового типа демократической политики аргументируется утратой значения таких классических демократических форм, как выборы, политические партии, парламенты. Возникает потребность во внепарламентских механизмах контроля власти, которые осуществляли бы мониторинг деятельности политических институтов и принимаемых решений. В самых разных областях — в местных, национальных и наднациональных (как в ЕС) правительствах, в мире бизнеса, в НПО и сетевых структурах — институты, осуществляющие власть, подвержены мониторингу и общественной критике.

Модель мониторинговой демократии предложил американский исследователь Майкл Шадсон. Развитию этого концепта Дж. Кин посвятил свою работу «Жизнь и смерть демократии» [11].

В условиях мониторинговой демократии контроль власти может осуществляться независимыми организациями публичной сферы, которые действуют как в правительственных структурах, так и в рамках гражданского общества, а также в трансграничных зонах, подчиненных государству или корпорациям. Мониторинговые механизмы являются институтами либо долговременными, либо кратковременными. Как пишет Дж. Кин, «отличительной чертой мониторинговой демократии является то, что потенциально все области социальной и политической жизни могут подвергнуться общественному контролю и досмотру, причем не только со стороны стандартных структур представительной демократии, но и со стороны всего комплекса непартийных, непарламентских и часто неизбранных органов, действующих в границах территориальных государств, ниже этих границ и за их пределами» [12, с. 112]. В результате изменяется динамика самоуправления, ослабляется власть выборов, партий и парламентов над жизнью граждан. Независимые контролеры власти оказывают все большее воздействие на принятие решений правительственными и парламентскими институтами, корректируя их программы в интересах общества.

Необходимость в осуществлении мониторингового контроля подтверждается несовершенством современных наднациональных институтов. Новые технологии в совокупности с формированием наднациональных управленческих структур приводят к нарушению баланса между ветвями власти. Так, в Европе возник миф технического правления — правления экспертов по финансам, которое входит в противоречие с представительным правлением, ответственным перед своими избирателями. Профессор Колумбийского университета Нина Урбинати полагает, что одно из ключевых понятий современной теории демократии — «демократический космополитизм» — возникло в рамках утопического проекта сторонников единой Европы, по замыслу которых распространение демократических ценностей за пределы национальных границ должно обеспечить защиту

демократии и управление экономической глобализацией [13]. Однако в данном проекте образовался существенный изъян: происходит доминирование исполнительной власти, которая без какого бы то ни было демократического контроля реализует управленческие функции. Сложившуюся систему принятия решений в Евросоюзе Н. Урбинати называет «просвещенным деспотизмом», который характеризуется расширением полномочий бюрократии и отсутствием механизмов, обеспечивающих подконтрольность политических органов обществу. По ее мнению, современная демократия должна быть политической системой, которая «основана на рассредоточении власти и которая порождает такое рассредоточение; оно допускает формулирование множества политических решений, из которых граждане делают выбор» [14, с. 422–423].

Радикальный вариант демократического правления в виде прямой демократии в современных обществах встречается не часто. Так, опыт современных Швейцарии, Лихтенштейна, Италии, Германии, США, Уругвая, Словении свидетельствует, что прямая демократия, непосредственно осуществляемая народом, может быть достаточно эффективной. В современном мире полноценная прямая демократия встречается только на уровне местного самоуправления, однако в некоторых странах нарабатан опыт полупрямой демократии, при которой власть разделяется между народом и его представителями. При полупрямой демократии народ избирает депутатов в парламент, при этом у него остается право вето на решения, которые ему не нравятся. На практике механизм реализации народовластия включает составление петиции против закона, принятого представительным органом власти. Если петицию подписывает необходимое количество человек (в Швейцарии — 50 тыс., в Италии — 500 тыс. человек), то автоматически это приводит к проведению референдума. В некоторых странах (например, США) по некоторым вопросам проведение референдума является обязательным. При полупрямой демократии народ может выдвигать закон, если будет признано, что государственные институты не предпринимают действий для решения проблем, волнующих граждан. Следовательно, при полупрямой демократии законодательная власть делится между парламентом и народом, однако в случае возникновения конфликта между ними решающее слово принадлежит народу.

Существуют также механизмы внедрения прямой демократии в исполнительную власть. Так, в большинстве швейцарских кантонов проводится финансовый референдум, на который выносятся все траты определенного размера, что является эффективным инструментом ограничения роста бюджетных расходов.

Возможны элементы прямой демократии и в судебной власти, когда избранные народом судьи могут быть отстранены от должности народом до истечения срока полномочий. То же касается и должности губернатора — при достижении определенного числа голосов при сборе подписей за лишение права полномочий главы региона, вопрос о доверии губернатору выносится на общенародный референдум.

Сторонник прямой демократии французский политик и экономист Иван Бло считает: «обеспечивая контроль над делегатами, привлекая больше информации, усиливая конкуренцию и максимально повышая ответственность, прямая демократия привносит в механизм принятия политических решений

больше разумности» [15, с. 192], поэтому у нее есть все шансы распространиться в будущем.

Таким образом, в современные управленческие практики внедряются демократические механизмы, которые изменяются в соответствии с происходящими в мире переменами. Вектор таких изменений очевиден: ввиду низкой эффективности институтов представительной демократии необходимы учет мнения граждан, согласование политических решений с институтами гражданского общества, мониторинговыми структурами, предоставление права вето народу на решения, принимаемые государственными и муниципальными институтами, если они противоречат общественным интересам.

3. В поиске управленческих практик: российские особенности

В России также осуществляется поиск коммуникативных практик, способствующих установлению взаимопонимания власти и общества. Эти практики носят преимущественно ценностный характер и основываются на общественном договоре, имеющем социальное звучание. Актуальным является обращение к делиберативному процессу, так как система принятия решений, сложившаяся в последнее десятилетие, не предполагает взвешенного рассудительного подхода, а основывается на иррациональном восприятии обществом внешне- и внутривнутриполитических реалий. В современном российском дискурсе делиберацию характеризует в большей степени приближенность к жизненным ситуациям, акцент на решении реальных социальных проблем.

Инициатива в осуществлении политики принадлежит государству, которое в обмен на политическую индифферентность общества предлагает либо решение социальных проблем, либо объединение под патриотическими лозунгами. Управленческие практики в условиях санкций имеют строго вертикальный характер. Общественная инициатива, исходящая от организаций, неподконтрольных властным институтам, не приветствуется и попросту игнорируется. Скромные ростки гражданской активности либо ставятся под контроль власти, например, деятельность ОНФ, либо блокируются. Создаваемая имитация сотрудничества лишь временно решает проблемы управления, не позволяя принципиально обновить механизм управленческой деятельности.

На авторитет власти продолжает работать великодержавный дискурс, который в 2017 году достиг апогея. Так, по результатам опроса ВЦИОМ 57 % россиян считают, что Россия уже входит в число великих держав, а 31 % полагают, что это произойдет в течение ближайших десятилетий. Генеральный директор ВЦИОМ Валерий Федоров так прокомментировал результаты опроса: «Самоуважение россиян продолжает расти, и это самоуважение связано, прежде всего, с активной ролью и важным положением России как игрока в мировой политике. Опрос ВЦИОМ зафиксировал исторический максимум доли респондентов, полагающих, что наша страна уже достигла статуса великой державы либо достигнет его в ближайшее время» [16]. Полтора годами ранее декан экономического факультета МГУ Александр Аузан констатировал готовность российских граждан в принадлежности к великой державе за счет самоограничений [17]. Таким образом, российские граждане полагаются на государство, получая взамен гордость за страну.

По опросам Фонда общественного мнения 78 % россиян считают себя патриотами, при этом 40 % полагают, что патриотизм больше свойственен пожилым людям. 62 % опрошенных считают, что патриотом может быть человек, который критикует власти своей страны, а 51 % — человек, который не ходит на выборы [18]. Политическая активность граждан, готовность влиять на политический процесс не входит в приоритеты россиян при характеристике патриотизма.

Внешне- и внутривнутриполитические ориентации россиян решающим образом сказываются на потребности участия в публичной политике и управленческой деятельности. Излишняя доверчивость, сочетающаяся с пониженной самокритикой, являются препятствием на пути эффективного управления.

Выходом из сложившейся ситуации является перенос на российскую политику тех практик, которые позволяют эффективно влиять на процесс управления, контролировать деятельность государственных и административных органов и формировать пространство для реального сотрудничества заинтересованных структур.

Для снижения протестной активности российская власть инициирует консервативный запрос общества, реализуемый через соотнесение гражданина с великой страной, ее героической историей, великодержавными амбициями, государственно-патриотическими интенциями. В этих целях используется фактор сплочения общества перед лицом объединенного Запада, фальсификаторов истории, всех тех, кто не вписывается в государственническую парадигму. Противостояние информационной агрессии, направленной против России, поддержка русскоязычного мира, реализация информационных проектов, направленных на представление России в других странах в позитивном ключе — все эти формы воздействия положительно воспринимаются обществом, которое доверяет своим политическим лидерам. Таким образом, властные структуры снижают протестный потенциал, возможный в условиях существенного снижения уровня жизни.

Идеи совещательной демократии в России частично реализуются через мониторинг деятельности региональных органов власти Общероссийским народным фронтом, с которым руководство страны координирует свою деятельность. Мнение других общественно-политических объединений, как правило, не учитывается. Поддерживая провластно ориентированный сегмент гражданского общества, государство пытается направить коммуникативный процесс в удобном для себя направлении.

Концепт мониторинговой демократии не востребован, прежде всего, государственными институтами, которые препятствуют независимым контролерам, например, в лице Фонда борьбы с коррупцией, в осуществлении самостоятельной деятельности по контролю за политико-административной элитой и депутатским корпусом независимо от уровня государственной власти. Административному давлению подвергаются также независимые средства массовой коммуникации, что минимизирует влияние общественных контролеров на политическую ситуацию в стране.

Принцип демократической автономии, как прообраз модели будущего, современной политической практикой отвергается ввиду недостаточно выраженной потребности людей осуществлять свободный выбор,

самостоятельно решать возникающие проблемы. Данный принцип может реализоваться лишь через практику местного самоуправления как демократической формы организации жизни.

При этом в полной мере можно согласиться с утверждением А. Токвиля: «Сила свободных народов заключена в муниципальных институтах. Городские собрания являются для свободы тем же самым, чем начальные школы являются для науки; они открывают людям доступ к свободе, учат пользоваться ею и получать удовлетворение от этого. Народ может создать свободную форму правления, но без муниципальных институтов она не может обладать духом свободы» [2, с. 65].

Делиберация на низовом уровне, совещательные механизмы в муниципалитетах, мониторинговые институты на уровне местного самоуправления являются наиболее полезными практиками, которые могли бы быть востребованы в России. Широкое обсуждение общественных проблем и политические дискуссии остаются одним из основных механизмов осуществления политической власти, роль и значение которых в современных условиях повышается. Введение в управленческую практику референдумов, а также выработка механизмов отзыва избранных представителей власти по народной инициативе могут стать реальным рычагом влияния на деятельность как законодательных, так и исполнительных структур, повысив их ответственность перед народом.

4. Заключение

Государство должно предоставлять блага и услуги, которые граждане хотят иметь, но самостоятельно произвести не могут. По мнению французского политического философа Энтони де Ясаи, государство может и должно улучшать положение одних (проигрывающих групп населения) за счет ухудшения положения других (наиболее успешных слоев населения). Тем самым достигается благоприятный баланс между потерянными и выигранным согласием, который может совпадать или не совпадать с балансом между согласием выигравших и согласием проигравших. Поиском баланса политических преимуществ достигается баланс справедливости, который лежит в основе максимизации общественного благосостояния или справедливости распределения [19, с. 175–176]. При этом забота об общем благе должна преобладать над частными интересами.

Для страны, где велика разница между богатыми и бедными, было бы предпочтительным акцентировать внимание в управленческой деятельности именно на приоритетном решении данной проблемы, что может способствовать повышению доверия, необходимого для всех политических институтов.

Таким образом, процесс коммуникации, следствием которого является политика в интересах общества, претерпевает изменения, появляются новые тенденции, которые проходят апробацию в условиях информатизации, глобализации и геополитических изменений.

Литература

- [1] Мюллер Д. Разум, религия, демократия / пер. с англ. А.А. Столярова. М.: Мысль, 2015. 560 с.
- [2] Токвиль А. де. Демократия в Америке. М.: Весь мир, 2000. 554 с.
- [3] Манов Ф. В тени королей. Политическая анатомия демократического представительства / пер. с англ. А. Яковлева. М.: Изд-во Института Гайдара, 2014. 176 с.
- [4] Мюллер Я.-В. Споры о демократии. Политические идеи в Европе XX века / пер. с англ. А. Яковлева. М.: Изд. Института Гайдара, 2014. 400 с.
- [5] Луман Н. Дифференциация. Пер. с нем. Б.Скуратова. М.: Издательство «Логос», 2006. 320 с.
- [6] Landemore H el ene. Is Representative Democracy Really Democratic? Interview of Bernard Manin and Nadia Urbinati. New York, 2007. April 10. http://www.laviedesidees.fr/IMG/pdf/20080327_manin_en.pdf.
- [7] Бессет Дж. М. Тихий голос разума. Делиберативная демократия и американская система государственной власти. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2011. 336 с.
- [8] Kohen J. Deliberation and democracy legitimacy // Contemporary political philosophy: an anthology / ed. by Goodin R., Pettit Ph. Malden MA, 2006. P. 159–170.
- [9] Хабермас Ю. Вовлечение другого. Очерки политической теории. СПб.: Наука, 2001. 417 с.; Муфф Ш. К агонистической модели демократии // Логос. 2004. №2. С.180-197.
- [10] Хелд Д. Модели демократии. Третье издание / перевод с англ. М. Рудакова. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2014. 544 с.
- [11] Keane J. The Life and Death of Democracy. L., N.Y., Sydney, Toronto: The End Company, 2009. 958 p.
- [12] Кин Дж. Демократия и декаданс медиа. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2015. 312 с.
- [13] Урбинати Н. Реполитизация представительства в Европе // Интернет-журнал «Гефтер». 10.12.2014. <http://gefter.ru/archive/13761>.
- [14] Урбинати Н. Искаженная демократия. Мнение, истина и народ / пер. с англ. Д. Кралечкин; научный редактор перевода В. Софронов. М.: Изд-во Института Гайдара, 2016. 448 с.
- [15] Бло И. Прямая демократия. Единственный шанс для человечества. М.: Книжный мир, 2015. 304 с.
- [16] Пресс-выпуск № 3327. Россия - великая держава. Опрос «ВЦИОМ-Спутник» проведен 2-3 марта 2017 г. <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=116111>.
- [17] Роль государства в экономике. Лекция Александра Аузана, 12 июня 2015 г. Сайт телеканала «Дождь». http://tvrain.ru/teleshov/ekonomicheskij_fakultet_leksii/rol_gosudarstva_v_ekonomike_leksija_aleksandra_au-389113.
- [18] Патриотизм: динамика мнений. Необходимые атрибуты патриотов. Опрос ФОМ проводился 5 марта 2017 г. <http://fom.ru/TSennosti/13261>.

[19] Ясаи Э. де. Государство / пер. с англ. Г. Покатовича под ред. Ю. Кузнецова. Москва; Челябинск: ИРИСЭН, Социум, 2016. 410 с.

International experience and Russian administrative practitioners: difficult way to cooperation

N.A. Baranov

BGTU "VOENMEH" of D.F. Ustinov

Political processes in the modern states are followed by emergence of the theories and the practician intended for improvement of interrelation of policy and management through new mechanisms. Wide circulation communication between society and the power through application the deliberativnykh the practician gets, the subjects of policy increasing the responsibility for the made decisions. The model of monitoring democracy assumes control of the power by the independent organizations of the public sphere which work both in government structures, and within civil society. Within consultative model the shift towards consideration of various contexts of civil society some of which interfere is made, and some promote free discussion and a debate. Thus, process of communication undergoes changes, there are new tendencies which undergo approbation in the conditions of informatization and globalization. In Russia search communicative the practician, promoting establishment of mutual understanding of the power and society is also carried out. These practitioners have mainly valuable character and are based on the public contract having social sounding. The initiative in relationship in the Russian conditions belongs to the state which in exchange for political indifference of society proposes either the solution of social problems, or association under patriotic slogans. The created cooperation imitation only temporarily solves problems of management, without allowing to update the mechanism of administrative activity essentially. An exit from current situation is transfer on the Russian policy of those the practician which allow to influence effectively management process, to control activity of the public and administrative authorities and to form space for real cooperation of the interested structures.

Keywords: deliberativny policy, monitoring democracy, consultative democracy, semidirect democracy, direct democracy, administrative practitioners.